

131. Телеграмма представителя СССР при Французском комитете национального освобождения в Народный комиссариат иностранных дел СССР

29 апреля 1944 г.

Беседа, состоявшаяся по приглашению де Голля 28 апреля, началась с положения в Италии. <...> Вслед за этим вопросом сообщил де Голлю, что алжирские французские газеты печатают карты СССР с границами 1939 г. и тем самым проявляют неуважение к государственным границам СССР, конституционное оформление которых закончилось в 1941 г. Де Голль сказал:

1. Он не знает, какова будет граница СССР после этой войны, и едва ли само Советское правительство может точно назвать ее.

2. В 1940–1941 гг. Франция находилась в состоянии войны с Германией, и если Советский Союз так или иначе изменил в это время свою границу, то Французское правительство не было об этом уведомлено официальным путем.

3. Граница СССР 1941 г. не признана в международных кругах, и я, добавил де Голль, могу только сказать вам, что Французское правительство готово пожелать Советскому правительству иметь эту границу и я даже уверен в том, что вы будете ее иметь, но в настоящее время Французское правительство остается на изложенных выше позициях.

На эту “декларацию” я ответил приблизительно следующим образом: “Когда я интересовался вашим отношением к вопросу о Прибалтике, Польше и т. д., то вы действительно говорили о том, что Национальный комитет хотел бы видеть СССР после этой войны в границах 1941 г., но что он сейчас настолько слаб, что не считает для себя возможным активно вмешиваться в такого рода вопросы”. Де Голль подтвердил мои слова и добавил, что Французский комитет и сейчас не хотел бы вмешиваться в это дело. Далее я продолжал: “Я не считаю для себя необходимым требовать или настаивать на признании со стороны Французского комитета государственных границ СССР 1941 г., я констатирую факт неуважительного отношения к государственной границе СССР во французских газетах и заявляю по этому поводу формальный протест”. Де Голль ответил, что он принимает этот протест и передаст его правительству, но считает, что поведение отдельных газет не должно бы быть достаточным предлогом для протеста. Я напомнил ему его второй аргумент и сказал, что в Англии печатают две границы, то есть 1939 г. и 1941 г., а в Алжире только границу 1939 года. Почему? Разве этого не достаточно для протеста? Де Голль ответил, что хотя СССР и является союзником Франции, но и Польша тоже является ее союзником. Если напечатать границу 1941 г., то польское правительство заявит протест. Я заметил де Голлю, что, судя по тому, что французские газеты предпочитают печатать границы 1939 г., можно сделать вывод о предпочтении по

отношению к Польше. Де Голль несколько смутился и сказал, что нет, это неверно. “Надо будет придумать что-нибудь вроде английской практики и печатать две границы”. Я сказал, что для СССР существует только граница 1941 г., а граница 1939 г. – это история. Де Голль, стараясь отделаться от вопроса о границах, повторил, что он не знает, как союзники в Лондоне, то есть Англия, США и СССР, решают вопрос о судьбе Германии, вопрос, в котором Франция кровно заинтересована, а если говорить откровенно, то Франция не знает ничего и о том, что думает СССР о будущем Франции, как может в этих обстоятельствах Франция высказываться о чужих границах, когда ничего не знает о своих собственных. Я ответил де Голлю, что не информирован о решениях по германскому вопросу и даже не уверен в том, что такие решения приняты. Что же касается франко-советских отношений, то СССР меньше всех заслужил упрек с французской стороны. Если бы Красная Армия не выиграла одну победу за другой против девяти десятых германской армии, то французский народ остался бы под игом Германии. Не случайно во Франции, как и во всей оккупированной Европе, растет симпатия к СССР. Я напомнил де Голлю, что когда он предложил СССР прислать свою дивизию на советский фронт, то Советское правительство без колебаний ответило “да”, а после этого приняло и вооружило французскую эскадрилью. Кто больше других поддерживал Национальный комитет и в формуле признания и в других актах? Де Голль сказал, что он признает это и не упрекает СССР: победа над Германией – это прежде всего дело рук СССР, просто французы, стесненные в своей практической деятельности, больше думают о будущем, чем СССР, погруженный в дело войны. Сказал де Голлю, что СССР хочет дружбы с Францией и поэтому настаивает на уважении к его границам и тем тяжелым жертвам, которые он несет в войне. Мы не просим гарантии для наших границ – советский народ и Красная Армия – это наилучшая их гарантия. Де Голль отмяк и сказал, что если бы я сразу заговорил о дружбе, то вопрос о картах или других мелочах можно было бы уладить сразу и проще.

Спросил его, подписал ли он соглашение с Англией и США об участии в высадке. Он сказал, что нет, но что дивизия Леклерка поехала в Англию (думаю, что у него есть частное и секретное соглашение с Черчиллем по этому вопросу). Пожаловался, что оторван от Лондона и не знает, что делают там его представители.

А. Богомолов